

С. Е С Е Н И Н

**Избранные
произведения**

ТОМ I

СТИХОТВОРЕНИЯ.

**Под редакцией
М. Бардина,
со вступительной
статьей
Вяч. Завалишина.**

Регенсбург

1946

ОБЛОЖКА РАБ.

ХУД. ПУЗЫРЕВСКОГО.

ТВОРЧЕСТВО СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Русская народная песнь!

Теперь, в наши дни, ее швырнули под гусеницы танков, бросили под колеса стремительно летящего паровоза.

Но тогда, когда Сергей Есенин входил в историю нашей поэзии, песнь хоть и увядала, но жила: еще не была выкорчеванной из почвы. Отзвуки этой песни долетали до нас с телеги, которую волокли по размытой дождями дороге низкорослые рыжеватые лошаденки; песнь срывалась с окрыленных парусами челнов и рыбацких лодок, мчащихся по разъяренным волнам; русская народная песнь — то мрачная и грустная, то напоенная хмельной брагой неистового веселья — вырывалась из дверей кабаков и трактиров — ни один деревенский праздник не обходился на Руси без песен.

Обаяние поэзии раннего Есенина — в том, что он превратил труды и дни русского мужика, с их радостями и тревогами, заботами и чаяниями, — в простую, доходчивую, сердечную песнь.

Поэт стал писать, подражая частушкам и плясовым наигрышам (вспомним «Под венком лесной ромашки», «Темна ноченька» и т. д.).

«Мир крестьянской жизни наши глаза застали, увы, вместе с расцветом, на одре смерти. Он умирал, как рыба, выплеснутая волной на берег земли. В судорожном биении он ловил своими жабрами хоть струйку родного ему воздуха, но, вместо воздуха, в эти жабры впивался песок и, словно гвозди, разрывал ему кровеносные сосуды.»

Гибнет избяной мир, гибнет мир хижин «с петухами на ставнях, с коньками на крышах и голубками на князьках крыльца». Этот избяной мир — хранитель тайн и чар, «которыми овевая ветхая Русь. Единственным, — расточительным и неряшливым, но все же хранителем, — «этих тайн была полуразбитая отхожим промыслом и заводами деревня», — писал Сергей Есенин в брошюре «Ключи Марии», опубликованной в 1920 году. Поэт с болью в душе чувствует, что мир, с которым он сроднился, стремится навстречу гибели; и эта боль просочилась в его стихи.

Лирика ранних стихов Есенина окрашена задумчивой грустью, просветленной молитвенным настроением. Даже на природу молодой поэт смотрит, как на простую деревенскую церковь, где человек должен молиться.

Мы уже отметили, что Есенин, как поэт, вышел из русской народной песни. Но нельзя забывать, что, еще 16-ти летним юношей, он с увлечением читает классиков и современных поэтов, отбирая то, что близко душе. Первый мастер слова, с которым Есенин столкнула судьба, — Александр Блок. «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что я впервые в жизни видел живого поэта». Выходец из Рязанской деревни встретился с одним из самых значительных национальных художников, который, к счастью для Есенина «приложил ухо к земле»:

Выезжаю в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косорогам,
Мокрой глины желтые пласты.
Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.
Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю,
На просторах нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю.
Много нас, свободных, юных, статных,
Умирает, не любя.
Пропадай же в даях необъятных,
Как и жить и плакать без тебя!

Блок стал «крестным отцом» Сергея Есенина. Влияние первого учителя рязанский поэт пронес сквозь все творчество, сквозь всю жизнь. В. Маяковский утверждал, что Есенин — Блок второго сорта, более низкого качества, что ли, ибо о Руси и о водке Блок писал гораздо лучше. К. Чуковский, соглашаясь с ним, склонен был думать, что Есенин — «разжиженный Блок», — и только.

Сопоставив стихотворения обоих поэтов, мы приходим к выводу, что заключения подобного рода несправедливы.

Видели ли вы, как в позолоченных куполах собора отражается обычный русский пейзаж, ну хоть бы тот, что воспроизведен Блоком и только что цитирован нами. Кажется, что и рябины и косогор и пласты желтой глины вознесены в какой-то легендарный мир, в страну из золота.

У Есенина пейзаж — такой, как он есть. Иногда привлекательный, иногда невзрачный, иногда даже грязный, но в серенькой хмури Есенин видит особую красоту, порожденную своеобразием внутренней жизни цветов и трав. Жизни доступной только поэту, потому что он открыл ее глубоким внутренним зрением. Тут имеет место не «разжижение» приемов Блока, а своя манера писать.

У Есенина находим стихотворения, в ритме и в эмоциональном тембре которых есть что-то близкое Блоку, сходное с Блоком (припомним «Я сегодня влюблен в этот вечер»), но и в этих стихотворениях сказывается способность Есенина — свойственная только ему, как индивидуальному, неповторимому мастеру — чувствовать, что растения и звери, которые населяют землю, также как и люди способны радоваться и горевать; — отсюда кровная, интуитивная связь Есенина с животным и растительным миром, позволившая поэту выстрадать такие стихи, как «Песнь о корове» или «Песнь о собаке», подарившая нам исключительно своеобразные тропы: «В сердце ландыши вспыхнувших сил», «Васильками сердце светится», «Ах, колокольчик, твой ли пыл мне в душу песней позвонил?». Подслушать как бьются сердца трав и цветов, понять, что собаки и коровы тоже трагически воспринимают жизнь, мог только человек, связанный с почвой, еще не отрекшийся от земли, и сам такой же простой как травы, выросшие этой почвой, как звери, ходящие по этой земле. Обнаженность эмоций и наивная непосредственность выброшенных из сердца настроений, — вот то, что делает Есенина самим собой, оригинальным, своеобразным.

И Блок и Есенин преображали мотивы русского фольклора. Но Блок, пользуясь народной песней, рассматривал ее, как средство для раскрытия идеи, овладев-

шей им (по тем же принципам, которые руководили Чайковским, когда он включил в пятую симфонию лирическую народную песнь «во поле березынька стояла»). Есенин же ограничивается гармонизацией фольклора, оставаясь более простым, более земным, если угодно.

Есенину как-то сразу удается завоевать признание. Поэт начал пробиваться в литературу при обстоятельствах, сложившихся для него особенно благоприятно. Заканчивалась эпоха «искания Руси» — не той, которую мы знаем, а заповедной, забытой, уходящей в призрачный край преданий. В живописи эту эпоху возвысили Суриков, Нестеров, Левитан; в поэзии — Блок, Белый и др. Возбуждение интереса к фольклору и к творчеству поэтов, вышедших из народа, — следствие этой эпохи.

Эпоха «искания Руси» дала возможность окрепнуть новой плеяде крестьянских поэтов, из которых, кроме Есенина, наиболее выдающимися следует считать: Николая Клюева, Сергея Клычкова, Петра Орешина. Сам Есенин, обращаясь к поэтам, имена которых нами перечислены, неоднократно говорил «Мы».

Для всех этих поэтов характерна общность судьбы: в начале творчества они благословляли уходящую Русь; позднее их поэзия превращается в плач, в причитание над Русью, охваченной пожаром.

Для доказательства приводим отрывки из стихотворений:

Уму — республика, а сердцу — мать Русь,
Пред пастью львиною от ней не отрекусь!
Пускай корягой стану я, болотом или мхом,
Моя слеза, мой вздох — о Китеже родном.
Н. Клюев.

Приемлю все!
Как есть, все принимаю,
Готов итти по выбитым следам,
Отдам всю душу Октябрю и Маю,
Но только лиры милой не отдам.
Но и тогда, когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть,

Я буду воспевать
Всем существом в поэте,
Шестую часть земли
С названьем кратким — Русь!

С. Есенин.

Та же Русь, без конца и без края,
И над нею дымок голубой,
Что же я не пою, а рыдаю
Над людьми, над собой, над судьбой.

С. Клычков.

Буду вечно тосковать по дому,
Каждый куст мне памятен и мил,
Белый цвет рассыпанных черемух
Навсегда я сердцем полюбил.
Белый цвет невырубленных яблонь
Сыплет снегом мне через плетень,
Много лет душа тряслась и зябла
И хмелела хмелем деревень.

И гармонь в веселых пальцах плачет
О пропащем русском мужике.

П. Орешин.

Февральская и последовавшая за ней Октябрьская революция открыли новый период в творчестве Есенина. На значительность этого периода для дальнейшего пути поэта впервые обратил внимание Владислав Ходасевич, указавший, что у Есенина «в глубинах сознания» пробудился зов предков. Поэт, как бы возрождает, воскрешает, сам того не подозревая, древне-русскую мифологию. Ходасевичу нельзя отказать в проникательности. Интересно его стремление использовать для оценки творчества Есенина психоанализ Фрейда. Но, в данном случае, большой знаток истории русской поэзии оказался очень поверхностным: тут дело не в «глубинах сознания», а в мировоззрении Есенина, предки которого были старообрядцами. Изучая творчество поэта мы не имеем никакого права отметать в сторону его интуитивную связь со старообрядчеством. В среде староверов бытуют легенды о Беловодье, о земном рае. Сергей Есенин, которого пытались просветить многие видные социалисты-революци-

онеры, в том числе Иванов-Разумник, воспринял русскую революцию, как явление Беловодья русскому народу, как сошествие легенды в земной мир. Если Беловодья и не существует, то русский мужик сам воздвигнет его сам построит; вот почему у Есенина «новый на кобыле едет к миру Спас», «с дудкой пастушеской в нивах бродит апостол Андрей»; дед поэта ловит в сети солнце и пытается сбросить его на землю.

Внимательно ознакомившись с космическими поэмами Есенина («Пантакратор», «Инония», «Октоих», «Отчарь», «Певущий зов» и др.) мы должны обратить внимание на две идеи, которые особенно настойчиво и упорно проводятся им.

1. Преображение земного мира должно быть достигнуто не борьбой земли с небом, а напротив, честной и искренней дружбой. Не искоренение религии, а наоборот, провозглашение и утверждение ее в народном сердце — вот что должно быть жизненной основой нового мира.

2. Новый мир — это любовь. Долой вражду, долой кровопролитье! «Не губить пришли мы братья, а любить и верить». Следует подчеркнуть, что Есенин в этот период является бессознательным, но последовательным и убежденным гуманистом.

В поэме «12» Александр Блок благословил Революцию именем Христа; в поэме «Товарищ» Есенин, полемизируя с ним, доказывает, что революцией расстреляна вера в Христа. Поэт выступает, как глашатай мужицкого рая, идею которого он позаимствовал не у социалистов-революционеров, не, у тем более, марксистов, а у протопopa Авакума, у Никиты Пустосвята, да в старообрядческих легендах о Беловодье. Если эта идея вырвалась на простор общечеловеческих судеб из глубин сознания поэта, то объяснить ее возникновение можно только связью Есенина со старообрядческой религией, и ничем больше.

Формально стих поэта окреп, благодаря воздействию Велемира Хлебникова, одного из самых оригинальных и своеобразных поэтов современности. Смелость образов и обостренность ритмов — вот благотворный для Есенина

результат нового влияния. Для доказательства привожу два характерных отрывка:

«И золотые черепа растений застряли на утесах»
(В. Хлебников)

«Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад» (С. Есенин)

Обоих поэтов сближает отношение к революции. Вначале Хлебников восторженно приветствует Октябрь, потом не менее страстно отворачивается от него. В одном из стихотворений он изображает, как падает на землю срубленный тополь, терзаемый жестокими ударами топоров. Скоро погибнет жизнь, которая клокочет в стволе, умрут захарканные грязью листья. Хлебникову кажется, что вся Россия — это тоже срубленный тополь. И горько сердцу от предчувствия, что вековая культура нашей страны будет взята в топоры.

В маленьких поэмах «Кобыльи корабли» и «Сорокоуст» Сергей Есенин развивает сходные идеи. Две этих вещи порождены разочарованием и невыносимой болью.

Есенин мечтал о рае, о любви, о всеобщем братстве, и вдруг он увидел, что ступени, ведущие в рай, залиты кровью, покрыты горами трупов. А может быть рая и вовсе нет? Мечта воздвигнута в пустоте. Все бред и фанатизм. («Веслами отрубленных рук вы гребетесь в страну грядущего»).

В годы массового разгула террора Сергей Есенин поднимает протест против организованного насилия. Уже тогда он перестает быть крестьянским поэтом, а становится общерусским, общенациональным мастером слова.

«Кобыльи корабли» и «Сорокоуст» — последние вещи, в которых еще сказывается увлечение Есенина космическим гиперболизмом.

В творческой деятельности поэта наступает новый период. Есенин участвует в созидании русского иммажинизма — нового течения в нашей поэзии. Термин иммажинизм происходит от французского слова «*имаже*», что значит «картина», «образ». Основателями его считаются отщепенцы футуризма Поунд и Луис — английские поэты.

В каждом стихотворении есть слово, образ, чувство, ритм и мысль. С. Максимов справедливо отметил, что у настоящего большого поэта все пять элементов должны быть приведены в гармоническое единство. Футуристы же считают, что ритм — творческая энергия стиха. Остальные элементы должны вращаться вокруг него, как планеты с их спутниками — вокруг солнца.

Ту роль, которую футуристы отводят ритму, иммажинисты предлагают предоставить образу: стихотворение должно с собой представлять «не организм, а толпу образов». Единственным законом искусства «должно быть выявление жизни через образ и ритмику образов», — писал большой поэт и теоретик русского иммажинизма Вадим Шершеневич в декларации «Дважды два — пять».

В первые годы НЭП-а такие иммажинисты, как Шершеневич, Рюрик Ивнев, Кусиков, Мариенгоф пользовались известной популярностью.

Бесспорно, что, кроме личной дружбы у Есенина, были какие-то общие точки творческого соприкосновения с иммажинистами: с Ивневым, например, его роднит иступленная любовь к России, с Кусиковым и Шершеневичем — несколько болезненный сексуализм и т. д.

В творчестве иммажинистов, как школы, как литературного течения, был один положительный момент: все они чувствовали, что строй жизни послереволюционной России становится механизированным. Будет создан мир, лишенный души. Близится торжество обесцеленной жизни, жизни в которой нет красок.

«Верьте: мы из последней касты

И жить нам — недолог срок.

Это мы коробейники счастья,

Кустари задушевных строк.

Скоро выйдут навстречу оравы,

Не знающих чувства в крови,

Машинисты железной славы,

И ремесленники любви»

(В. Шершеневич)

Вот почему иммажинисты ввели в поэзию такое буйное цветение красок. Ведь и Виктория Регия, прежде чем скрыться под водой, незадолго до того как погибнуть, сияет особенно яркими переливами красок.

Тем не менее, несмотря на общие точки соприкосновения, Сергей Есенин был близок иммажинистам скорее формально, внешне. По духу и по истокам творчества рязанский поэт отличается от своих со товарищей.

Сергей Есенин обладал огромной силой чувств. Искренность и глубина эмоций в целом ряде случаев искупает шереховатости его стихотворений и кое-где не совсем грамотные обороты речи. Поэтому даже в стихотворениях, которые можно подвести под иммажинистский канон, на первом месте у Есенина стоит чувство, а не образ.

Если мы посмотрим «Слово о полку Игореве» или такую ветвь фольклора, как заговоры и заклятья, то увидим, что все они кажутся как-бы сотканными из поэтических образов. Мы уже знаем какое значительное воздействие оказала древне-русская культура на творчество Сергея Есенина. Его манера делать стих напластованием тропов, восходит к древне-русской письменности и лишь случайно совпала с устремлениями иммажинистов:

«Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен,
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм!»

В период совместной работы с иммажинистами Сергей Есенин создает много стихотворений, которые очернили его репутацию, создав ему славу «певца хулиганства и кабацкого разгула». Слава эта Есениным незаслужена, да и раздувалась она теми людьми, которые считали, что популярность поэта среди народа и особенно среди молодежи опасна и вредна.

У Есенина есть стихи, в которых сам поэт чувствует себя зверем. Есть вещи, в которых он описывает эмоциональное воздействие алкоголя на душу человека. Но в этих стихотворениях прорывается страстное желание очиститься от скверны. Путь к очищению — учение Христа о любви:

«Мне осталась одна забава.
Пальцы в рот — и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.
Ах, какая смешная потеря,

Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Желание поэта:

«Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие и благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.»

Да и в слово хулиганство Сергей Есенин вкладывал совсем иной смысл, нежели мы: для него хулиганство это бешенный, страстный протест человеческой личности против порабощения ее коллективом, против тех, кто делает толпу слепым и послушным орудием своей воли.

Интересно, что Есенин очень любил песни, которые распевались в русских пивных и деревенских трактирах. Но что это были за песни?

Самой любимой была песнь о бродяге, который бежит с Сахалина:

«Жена найдет себе другого,
А мать сыночка — никогда.»

Не переключается ли эта песнь со стихотворением поэта, посвященным матери?

В этот период влияние русской народной песни в творчестве Есенина вытесняется цыганским романсом, в котором поэт оценил не только огненный вихрь страсти («Вечер черные брови насопил»), но и усталую нежность безнадежной любви («Я помню, любимая, помню»).

Роль цыганского романса в истории русской поэзии не изучена. А небезынтересно, что и Апollон Григорьев и Блок, вслед за Пушкиным и Некрасовым, преобразовали мотивы цыганских песен.

И у Есенина есть стихи, которые мы имеем право сравнивать с дуншими вещами Григорьева и Блока, проникнутыми цыганскими мотивами:

«Не смотри на ее запястья
И с плечей ее вьющийся шелк,
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел.»

В последние годы жизни Сергей Есенин создал наиболее значительные свои произведения: «Русь уходящая».

«Русь советская», «Черный человек» и «Страна негодяев» (драматическая поэма, которая поэтом неокончена и не-отделана); здесь мы наблюдаем поворот Есенина к реализму. Поэт пытается разобраться в событиях, происшедших после революции и определить свое отношение к тому, что произошло.

Жизнь потеряла ценность. Жизнь утратила краски. Человек, которого объявили гордым строителем нового мира, жалок и ничтожен. Быть может, это мнение и ошибочно, но горечь от сознания ошибки не утихает, а напротив, становится еще более безисходной.

Будь проклят бунт, если он отравляет жизнь человека, если под корень подрубает устои этой жизни.

Жизнь есть ад. Нет сил жить в этом аду — вот идея «Черного человека» — самого сильного и самого страшного из того, что создано Есениным.

Неужели борьба народа за крестьянский рай привела Россию к предвериям ада?

Неправда, были люди, которые пришли в мир, чтобы принести не мир, но меч, с целью поразить им врагов крестьянских идеалов: вот центральная мысль «Страны негодяев». Эту мысль поэту не удалось осуществить до конца. Он умер, так и не окончив начатой им драматической поэмы.

Сергей Есенин покончил жизнь самоубийством в гостинице «Англетер», что расположена рядом с Исакиевским собором. Бронзовый ангел, стоящий на крыле собора, по странному стечению обстоятельств, глядит в окно той комнаты, где поэт доконал себя.

В глазах ангела — страдание и скорбь, как будто ему больно, что любимый всем народом русский национальный поэт сжег себя так безжалостно и ненужно.

Вячеслав Завалишин.

Стихотворения

(1910 — 25 г. г.)

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленькой матке
Зеленое вымя сосет.

1910.

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок,
Распоясала зарница
В пенных струях поясok.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.

1911.

Хороша была Танюша, краше
не было в селе,
Красной рюшкой по белу сара-
фан на подоле.
У оврага за плетнями ходит
Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане во-
дит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился ку-
черявой головсой:
— Ты прощай ли, моя радость,
я женюсь на другой.
Побледнела, словно саван, схо-
лодела, как роса,
Душегубкою — змею разви-
лась ее коса.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

— Ой, ты, парень синеглазый,
не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за
другого выхожу,
Не заутренние звоны, а вен-
чальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, вер-
ховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — пла-
чет Танина родня,
На висках у Тани рана от ли-
хого кистеня.
Алым венчиком кровинки за-
пеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше
не было в селе.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.	То не зори в струях озера свой выткали узор,
Выходи встречать к околице, красотка, жениха,	Твой платок, шитьем украшен- ный, мелькнул за косогор.
Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.	Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Я играю на тальяночке про синие глаза.	Пусть послушает красавица прибаски жениха.

1912.

ПОДРАЖАНИЕ ПЕСНЕ.

Ты поила коня из горстей в поводу.	Но с лукавой улыбкой, брыз- нув на меня,
Отражаясь, березы ломались в пруду.	Унеслася ты вскачь, удилами звения.
Я смотрел из окошка на синий платок,	В пряже солнечных дней вре- мя выткало нить...
Кудри черные змейно трепал ветерок.	Мимо окон тебя понесли хоро- нить.
Мне хотелось в мерцании пе- нистых струй	И под плач панихид, под ка- дильный канон,
С алых губ твоих с болью со- рвать поцелуй.	Все мне чудился тихий раско- ванный звон.

1910.

Выткался на озере алый свет зари.	Зацелую до-пьява, изомну, как цвет,,
На бору со звонами плачут глухари.	Хмельному от радости пересу- ду нет.
Плачет где-то иволга, скоро- нясь в дупло.	Ты сама под ласками сбро- сишь шелк фаты,
Только мне не плачется — на душе светло.	Унесу я пьяную до утра в кусты.
Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,	И пускай со звонами плачут глухари.
Сядем в копны свежие под со- седний стог.	Есть тоска веселая в аlostях зари.

1910.

Дымом половецье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

1910.

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе,
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

1910.

На плетнях висят баранки,
Хлебной брагой льет теплынь.
Солнца струганные драпки
Загораживают синь.

Балаганы, пни и колья,
Карусельный пересвист.
От вихлистого приволья
Гнутя травы, мнется лист.

Дробь копыт и хрип торговков,
Пьяный пах медовых сот.
Берегись, коли не ловок:
Вихорь пылью разметет.

1915.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет гольтыбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою,
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птицы, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

За лещужною сурьюю —
Забий крик, как поутру.
Не твоя ли шаль с каймою
Зеленеет на ветру?

Ой, удал и многосказен
Лад веселый на пыжну.
Запевай, как Стенька Разин,
Утопил свою княжну.

Ты ли, Русь, тропой-дорогой
Разметала ал наряд?
Не суди молитвой строгой
Напоенный сердцем взгляд.

Задымился вечер, дремлет кот
на бруссе.

Кто-то помолился: «Господи
Исусе».

Полыхают зори, курятся ту-
маны,

Над резным окошком — занавес
багряный.

Вьются паутины с золотой по-
вети.

Где-то мышшь скребется в за-
творенной клетки...

У лесной поляны — в свясялах
копны хлеба,

Ели, словно копыя, уперлися в
небо.

Закадили дымом под росую
рощи...

В сердце почивают тишина и
моши.

1912.

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

Курит облаком болото,
Гарь в небесной коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.

Все встречаю, все приемаю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.

Пойду в скуфье смиренным
иноком

Иль белобрысым босяком,
Туда, где льется по равнинам
Березовое молоко.

Хочу концы земли измерить,
Доверясь призрачной звезде,
И в счастье ближнего поверить
В звящей режью борозде.

Рассвет рукой прохлады рос-
ной

Сшибает яблоки зари.
Сгребая сено на покосах,
Поют мне песни косари.

Глядя на кольца лычных пря-
сел,

Я говорю с самим собой:
«Счастлив, кто жизнь свою ук-
расил
Бродяжной палкой и сумой».

Счастлив, кто в радости убо-
гой,

Живя без друга и врага,
Пройдет проселочной дорогой
Молясь на копны и стога.

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях—гниль опенок.
Пляшет ветер по равнине —
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналая
Воробей псалтирь читает.

1914.

Чую радуницу Божью, —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Исус.

Льется пламя в бездну зренья,
В сердце—радость детских
снов,

Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.

1914.

По дороге идут богомолки,
Под ногами полынь да комли.
Раздвигая щипульные колки
На канавах звенят костыли.

Топчут лапти по полю куколь-
ни,
Где-то ржанье и храп табуна,
И зовет их с большой коло-
кольни
Гулкий звон, словно зык чу-
гуна.

Лижут сумерки золото солнца,
В дальних рощах аукает звон...
По тени от ветлы веретенца
Богомолки идут на канон.

1914.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов, как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели,
И кричат ему: «Осанна!»

Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.

Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладеа моей дорогой.
Заглушил мой слабый крик.

Шел Господь пытаться людей в любви,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке с клюшкою железной,
И подумал: — «Вишь, какой убогой, —
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая
скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
— На, пожуй... маенько крепче будешь.

1914.

ОСЕНЬ.

Р. В. Иванову.

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла, чешет гриву.
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным.
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

1914.

Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распятый воскресшего Христа.
— Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста.

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не Помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо,
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

1914.

Гой ты, Русь моя родная!
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогами
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914.

Я — пастух; мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шопот сосняка.

Светят зелено в сутемы
Под росой тополя.
Я — пастух; мои хоромы —
В мягкой зелени поля.

Говорят со мной коровы
На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветлами к реке.

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья,
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

1914.

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,
Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год,
С подошочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглядала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1914.

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех - то пятаь.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой - ризою
Выструги стропил,
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом.
Как метель, черемуха,
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике
Жисть твоя и былъ,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914.

Заглушила засуха засевок,
Сохнет рожь и не всходят овсы.
На молебен с хоругвями девки
Потащились в комлях полосы.

Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынил дьячишко лядаций:
«Спаси Господи люди Твоя».

Открывались небесные двери,
Дьякон бавкнул из кражисгых
сил:

«Еще молимся братья о вере,
Чтобы Бог нам поля оросил».

Заливались веселые птахи,
Крапал брызгами поп из гор-
стей,
Стрекотуньи сороки, как свахи,
Накликали дождливых гостей.

Зыбко пенились зори за рощей,
Как холстины ползла облака,
И туманно по больнице тощей
Меж кустов ворковала река.

Скинув шапки, молясь и взды-
хая,

Говорили промеж мужики:
— Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки.

На коне—черной тучице в сан-
ках
Билось пламя—шлея... синь и
дрожь.
И кричали иарнишки в елан-
ках:
— Дождик, дождик, полей нашу
рожь!»

1914.

Троицыно утро, утренний
канон,
В роще по березкам — белый
перезвон.

Тянется деревня с празднично-
го сна,
В благовесте ветра — хмельная
весна.

Пойте в чаще, птицы, я вам
подпою,
Похороним вместе молодость
мою.

Троицыно утро, утренний
канон,
В роще по березкам — белый
перезвон.

На резных окошках — ленты и
кусты.

Я пойду к обедне плакать на
цветы.

1914.

Зашумели над затоном трост-
ники.
Плачет девушка-царевна у
реки.

Погодала красна девица в
семик,
Распела волна венки из по-
вилики.

Ах, не выйти в жены девушке
весной,
Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора, —
Выживают мыши девушку с
двора.

Бьются кони, грозно машут го-
ловой, —
Ой, не любит черны косы до-
мовой.

Запах ладана от рощи ели
льют,
Звонки ветры панихидную
поют.

Ходит девушка по бережку
грустна,
Ткет ей саван нежнопённая
волна.

1914.

Туча кружево в роще связала,
Закурился пахучий туман.
Еду грязной дорогой с вокзала,
Вдалеке от родимых полян.

Лес застыл без печали и шума,
Виснет тень, как платок за
сосной,
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой
родной.

Пригорюнились девушки-ели,
И поет мой ямщик на-умяк:
«Я умру на тюремной постели,
Похоронят меня кое-как».

В ХАТЕ.

Пахнет рыхлыми драконами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке — нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко.

Квохчут куры беспокойные
Над оглоблями сохи,
На дворе обедню стройную
Запевают петухи.

А в окне на сени скатые,
От пугливой шумоты,
Из углов щенки кудлатые
Заползают в хомуты.

1914.

По селу тропинкой кривень-
кой,
В летний вечер голубой,
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.

Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Зори пенились и таяли.
Все кричали, пяча грудь:
«До рекрутства горе маяли,
А теперь пора гульнуть».

Размахнув кудрями русыми,
В пляс пускались весело.
Девки брякали им бусами,
Зазывали на село.

Выходили парни бравые
За гуменные плетни,
А девчоночки лукавые
Убегали, — догони!

Над зелеными пригорками
Развивались платки.
По полям, бредя с кошолками,
Улыбались старики.

По кустам, в траве над лыками,
Под пугливый возглас сов,
Им смеялась роща зыками
С переливом голосов.

По селу тропинкой кривенькой,
Ободравшись о пеньки,
Рекрута играли в ливенку
Про остольные деньки.

1914.

Черная, потом пропахшая
выть,
Как мне тебя не ласкать, не
любить.

Выйду на озеро в синюю гать,
К сердцу вечерняя льнет бла-
годать.

Серым веретнем стоят шалаши,
Глухо баюкают хлюпъ камыши.

Красный костер окровил та-
ганы,
В хворосте белые веки луны.

Тихо, на корточках, в пятнах
зари
Слушают сказ старика косари.

Где-то вдали, на кукане реки
Дремную песню поют рыбаки.

Оловом светится лужная голь...
Грустная песня, ты — русская
боль.

1914.

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей.
Темным елям снится
Гомон косарей.

1914.

По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!

За темной прядью перелесиц,
В неколебимой синеве,
Ягненок кудрявый — месяц
Гуляет в голубой траве.

В затихшем озере с осокой
Бодаются его рога, —
И кажется с тропы далекой —
Вода качает берега.

А степь — под пологом зеленым,
Кадит черемуховый дым,
И за долинами по склонам
Свивает полымя над ним.

1915.

О, сторона ковыльной пуши,
Ты сердцу ровностью близка,
Но и в твоей таятся гуще
Солончаковая тоска.

И ты, как я, в печальной гребе,
Забыв, кто друг тебе и враг,
О розовом тоскуешь небе
И голубиных облаках.

Но и тебе из синей шири
Пугливо кажет темнота
И кандалы твоей Сибири
И горб Уральского хребта.

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и неж-
ный!
Кудрявый сумрак за горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О, други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то.
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

1915.

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сирот-
ливо
Избы деревень.

Там в полях, за синей гущей
лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.

Затерялась Русь в Мордве и
Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.

Все они — убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.

1915.

Много зла от радости в убий-
цах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых ли-
цах
Голубые рты.

Я одну мечту, скрывая, нежу —
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.

И меня по ветряному свею,
По тому-ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
Распрямяю я грудь,
Языком зализжет непогода
Прожитой мой путь.

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости внешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

И неволью в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

1915.

КОРОВА.

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях.

Сердце неласково к шуму,
Мыши скребут в уголке,
Думает грустную думу
О белоногом телке.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

Не дали матери сына,
Первая радость не впрок,
И на колу под осиною
Шкуру трепал ветерок.

Скоро на гречневом сее,
С той же сыновьей судьбой,
Свяжут ей петлю на шее
И поведут на убой.

Жалобно, грустно и тоще,
В землю вопьются рога...
Снится ей белая роща
И травяные луга.

1915.

Под красным вязом крыльцо и
двор,
Луна над крышей, как злат
бугор.

На синих окнах накапан лик:
Бредет по туче седой Старик.

Он смуглой горстью меж тихих
древ
Бросает звезды — озимой сев.

Взростает нива, и зерна душ
Со звоном неба спадают в
глушь.

Я помню время — оно, как
звук,
Стучало клювом в древесный
сук.

Я был во злаке, но костный ум
Уж верил в поле и водный
шум.

В меже под елью, где облак —
тын,
Мне снились реки златых
долин.

И слышал дух мой про край
холмов,
Где есть рожденье в посеве
слов.

1915.

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее польмя
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра, над церковными
главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными тра-
вами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равни-
ною
Дорога мне зеленая ширь,
Полюбил я тоской журавли-
ною

На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь зату-
манится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная стран-
ница.
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жи-
теля,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спаси-
теля
За погибшую душу мою.

1916.

Опять раскинулся узорно
Над белым полем багрянец,
И заливается задорно
Нижегородский бубенец.

Под затуманенною дымкой
Ты кажешь девичью красу,
И треплет ветер под косыночкой
Рыжеволосую косу.

Дуга, раскальваясь, пляшет,
То выныряя, то пропав.
Не заморозит, не обманет
Твой разукрашенный рукав.

Уже давно мне стала сниться
Полей малиновая ширь,
Тебе — высокая светлица,
А мне — далекий монастырь.

Там синь и польмя воздушней
И легкодымней пелена.
Я буду ласковый послушник,
А ты — разгульная жена.

И знаю я, мы оба станем
Грустить в упругой тишине, —
Я по тебе в глухом тумане,
А ты заплачешь обо мне.

Но и поняв, я не приемлю
Ни тихих ласк, ни глубины.
Глаза, увидевшие землю,
В иную земаю влюблены.

1916.

ТАБУН.

В холмах зеленых табуны коней
Весенний день звенит над конским ухом
Сдувают ноздрями золотой налет со дней.
С приветливым желаньем к первым мухам.
С бугра высокого в синееющий залив
Но к вечеру уж кони над лугами
Упала смоль качающихся грив.
Брыкаются и хлопают ушами.
Дрожат их головы над тихою водой,
Все резче звон, прилипший на копытах,
И ловит месяц их серебряной уздой.
То тонет в воздухе, то виснет на ракетах.
Храпя в испуге на свою же тень,
И лишь волна потянется к звезде,
Зазастить гривами они ждут новый день.
Мелькают мухи пеплом на воде.

* * *

Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

А эхо резвое, скользнув по их губам,
Уносит думы их к неведомым лугам.
Любя твой день и ночи темноту,
Тебе, о родина, сложил я песню ту.

О товарищах веселых —
О полях посеребренных,
Загрустила, словно голубь,
Радость лет уединенных.

Ловит память тонким клювом
Первый снег и первопуток.
В санках озера над лугом
Запоздалый окрик уток.

Под окном от скользких елей
Тень протягивает руки.
Тихих вод парагуш квелиый
Курит люльку на излуке.

Легким дымом к дальним пожарам
Шлет поклон день ласк и вишен.

Запах трав от бабьей кожи
На губах моих я слышу.

Мир вам рощи, луг и липы,
Литии медовый ладаи!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.

1916.

Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случай-
ный
На горах твоих земля.

Не тобой я поцелован,
Но с тобой мой связан рок.
Новый путь мне уготован
От захода на восток.

Широки леса и воды,
Крепок взмах воздушных крыл.
Но века твои и годы
Затуманил бег светил.

Суждено мне изначально
Возлететь в немую тьму.
Ничего я в час прощальный
Не оставлю никому.

Но за мир твой, с выси звезд-
ной,
В тот покой, где спит гроза,
В две луны зажгу над бездной
Незакатные глаза.

Тучи с ожереба
Ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
Пламя красных крыл.

Новое восславят
Рождество поля,
И, как пес, пролает
За горой заря.

Небо, словно вымя,
Звезды, как сосцы.
Пухнет Божье имя
В животе овцы.

Только знаю: будет
Страшный вопль и крик.
Отрекутся люди
Славить новый лик.

Верю: завтра рано,
Чуть забрезжит свет,
Новый под туманом
Вспыхнет Назарет.

Скрежетом булата
Вздыбят пасть земли...
И со щек заката
Спрыгнут скулы — дни.

Побегут, как лани,
В степь иных сторон,
Где вздымает длани
Новый Симеон.

1916.

Весна на радость не похожа,
И не от солнца желт песок.
Твоя обветренная кожа
Лучила гречневый пушок.

У голубого водооя,
На шишкоперой лебеди,
Мы поклялись, что будем двое
И не расстанемся нигде.

1916.

Алый мрак в небесной черни
Начертаю пожаром грень.
Я пришел к твоей вечерне,
Полевая глухомань.

Не легка моя кошница,
Но глаза синее дня.
Знаю, мать-земля черница,
Все мы тесная родня.

1919.

Прощай родная пуца,
Прости, златой родник.
Плывут и рвутся тучи
О солнечный сошник.

Сияй ты, день погожий,
А я хочу грустить.
За голенищем ножик
Мне больше не носить.

1916.

Кадила темь, и вечер тощий
Свивался в огненной резьбе,
Я проводил тебя до роши
К твоей родительской избе.

И долго-долго в дреме зыбкой
Я оторвать не мог лица,
Когда ты с ласковой улыбкой
Махал мне шапкою с крыльца.

Разошлись мы в даль и шири
Под лазоревым крылом.
Но сзовет нас из псалтыри
Заревой заре псалом.

И придем мы по равнинам,
К правде сошьего креста
Светом книги голубиной
Напоить свои уста.

Под брюхом жеребенка
В глухую ночь не спать,
И радостию звонкой
Лесов не оглашать.

И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незрких врат.

На раздробленной ноге прико-
выялаа,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой прошвой кровь отмеже-
вала
На снегу дремучее лицо.

Ей все бластился в колючем
дыме выстрел.
Колыхалася в глазах лесная
топь.
Из кустов косматый ветер
взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь.
1916.

Как желна, над нею мгла ме-
талася,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалася,
И язык на ране застывал.

Желтый хвост упал в метель
пожаром.
На губах — как прелая мор-
ковь...
Пахло инеем и глиняным уга-
ром,
А в ошур сочилася тихо кровь.

О, Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краяха хлеба,
Уста — вишневый сок,
И вызвездило небо
Пастушечий рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его середний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Кляев,
Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит Пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.
1916.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звенит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь, ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смысла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилица,
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.

То сучья золотых стволов,
Как свечи теплятся пред тай-
ной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
1919.

Понятен мне земли глагол,
Но не страхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.

Так кони не встряхнут хво-
стами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорости глазами,
Как эти листья, в глубину.

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просто-
рам,
Покину хижину мою,
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И та, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.
1915.

И вновь вернуся в отчий дом,
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И не обытого меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.

О, Боже, Боже, эта глубь —
Твой голубой живот.
Златое солнышко, как пуп,
Глядит в Каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас,
И вершами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз.

Но в малый вентерь рыбаля
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток,
Взбурли всю хлябь и водь,
Смолой кипящею восток
Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня
Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах смкг.

Гляну в поле, гляну в небо —
И в полях и в небе рай.
Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край.

Снова в рощах непасенных
Неизбывные стада,
И струится с гор зеленых
Златоструйная вода.

О, я верю — знать за муки
Над пропащим мужиком
Кто-то ласковые руки
Проливает молоком.

1916.

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий, мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух —
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.
1917.

Время — мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Льет часов незримый дождь.
Время — мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.

Разбуди меня завтра рано,
О, моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогова гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной
кушей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра про-
мчится,
Шапку-месяц пригнув под ку-
стом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хво-
стом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917.

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни по дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Неволью крестится рука.

О. Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку!
Люблю до радости, до боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

О, край дождей и непогоды,
Кочующая тишина!
Ковригой хлебною под сводом
Надломлена твоя луна.

За перепаханною нивой —
Малиновая лебеда.
На ветке облака, как слива,
Златится спелая звезда.

Опять дорогой верстовою,
Наперекор твоей беде,
Бреду и чую яровое
По голубеющей воде.

Клаубит и пляшет дым болот-
ный...
Но и в кошме певучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

Колокольчик среброзвонный,
Ты поешь? Иль сердцу снится
Свет от розовой иконы
На златых моих ресницах.

Пусть не тот я нежный отрок
В голубином крыльев плеске,
Сон мой радостен и кроток
О нездешнем перелеске.

Мне не нужен вздох могилы —
Слову с тайной не обняться.
Научи, чтоб можно было
Никогда не просыпаться.

О, Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны...

Окинь улыбкой
Мирскую весть
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да зыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

1917.

О, пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
Но в сердце — день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

О, край разливов грозных
И тихих вешних сил!
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

Как птицы, свищут версты
Из-под копыт коня.
И брызжет солнце горстью
Свой дождик на меня.

И мыслил и читал я
По библии ветров
И пас со мной Исайя
Моих золотых коров.

1917.

Нивы сжаты, рощи голы,
От воды туман и сырость.
Кодесом за сини горы
Солнце тихое скатилось.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

1917.

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О, тонкая березка,
Что загляделась в пруд?

Что шепчет тебе ветер?
О чем звенит песок?
Иль хочешь в косы-ветви
Ты лунный гребешок?

Открой, открой мне тайну
Твоих древесных дум,
Я полюбил — печальный
Твой предосенний шум.

1917.

И мне в ответ березка:
— О, любопытный друг,
Сегодня ночью звездной
Здесь слезы лил пастух.

Луна стелила тени,
Сияли зелены.
За голые колени
Он обнимал меня.

И так, вздохнув глубоко,
Сказал под звон ветвей:
— Прощай, моя голубка,
До новых журавлей.

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнув-
ших сил.
Вечер синюю свечкой звезду
Над дорогой моей засветлил.

Я не знаю то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг.

1917.

Хороша ты, о, белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез.

О, лесная дремучая муть.
О, веселье оснеженных нив!..
Так и хочется руки сомкнуть
Над древесными бедрами ив.

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда.

Грусть ты или радость теп-
лишь?
Иль к безумью правишь бег?
Помоги мне сердцем вешним
Долюбить твой жесткий снег.

Дай ты мне зарю на дровни,
Ветку вербы — на узду.
Может быть к вратам Господ-
ним

Сам себя я приведу.

1917.

Отвори мне, страж заоблачный,
Голубые двери дня.
Белый ангел этой полночью
Моего увел коня.

Богу лишнего не надобно,
Конь мой — мощь моя и крепь.
Слышу я, как ржет он жалобно,
Закусив золотую цепь.

Вижу, как он бьется, мечется,
Теребя тугой аркан,
И летит с него, как с месяца,
Шерсть буланая в туман.

1917.

О, верю, верю, счастье есть!
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодатную весть.
О, верю, верю, счастье есть.

Звени, звени, золотая Русь,
Волнуйся, неуемный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.
Звени, звени, золотая Русь.

Люблю я ропот буйных вод.
И на волне звезды сиянье,
Благословенное страданье,
Благословляющий народ.
Люблю я ропот буйных вод.

1917.

Песни, песни о чем вы кри-
чите?
Иль вам нечего больше дать?
Голубого покоя нити
Я учусь в мои кудри вплетать.

Хорошо в эту лунную осень
Бродить по траве одному
И собирать на дороге колосья
В обнищалую душу-суму.

Я хочу быть тихим и строгим.
Я молчанью у звезд учусь.
Хорошо ивняком при дороге
Сторожить задремавшую Русь.

Но равнинная синь не лечит.
Песни, песни, иль вас не страх-
нуть?..
Золотистой метелкой вечер
Расчищает мой ровный путь.

И так радостен мне над пущей
Замирающий в ветре крик:
«Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип!»

1917.

О, муза, друг мой гибкий,
Ревнивица моя.
Опять под дождик сыпкий
Мы вышли на поля.

Опять весенним гулом
Приветствует нас дол.
Младенцем завернула
Заря луну в подол.

Теперь бы песню ветра
И нежное баю, —
За то, что ты окрепла,
За то, что праздник светлый
Влила ты в грудь мою.

Теперь бы брызнуть в небо
Вишневым соком стих
За отческую щедрость
Наставников твоих.

1917.

О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!
Звездой нам пел в тумане
Разумниковский лик.

Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Ключев
Нас на руках носил.

Теперь мы стали зрелей
И весом тяжелей...
Но не заглушит трелью
Тот праздник соловей.

И этот дождик шальный
Его не смоеет в нас,
Чтоб звон твоей лампы
Под ветром не погас.

Мариенгофу.

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях досчатый
мост.
За прощальной стою обедней
Калящих листвою берез.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый
час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарею пролитый,
Соберет его черная горсть.

Неживые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый
час!

1921.

Вот оно, глупое счастье
С белыми окнами в сад!
По пруду лебедем красным
Плавает тихий закат.

Здравствуй, златое затишье,
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде.

1918.

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет.

Стелется синею рясой
С поля ночной холодок...
Глупое, милое счастье,
Свежая розовость щек!

Проплясал, проплакал дождь
весенний,

Замерла гроза.
Скучно мне с тобой, Сергей
Есенин,
Подымать глаза...

Скучно слушать под небесным
древом
Взмах незримых крыл:
Не разбудишь ты своим напе-
вом
Дедовских могил.

Привязало, осаднило слово
Даль твоих времен.
Не в ветрах, а, зная, в томах
тяжелых
Прозвонит твой сон.

Кто-то сядет, кто-то выгнет
плечи,

Вытянет персты,
Близок твой кому-то красный
вечер,
Да не нужен ты.

Всколыхнет он Брюсова и
Блока,
Востормошит других,
Но все так же день взойдет с
востока,
Так же вспыхнет миг.

Не изменят лик земли напевы,
Не стряхнут листа.
Навсегда твои пригвождены ко
древу
Красные уста.

Навсегда простер глухие длани
Звездный твой Пилат...
Или, Или, Лима Савахвани
Отпусти в закат.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ.

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех покчал в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее шенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915—1919.

По осеннему кычет сова
Над раздольем дорожной рани.
Облетает моя голова,
Куст волос золотистый вянет.

Полевое, степное «Ку-гу»,
Здравствуй, мать голубая
осина!
Скоро месяц, купаясь в снегу,
Сядет в редкие кудри сына.

1920.

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.
Без меня будут юноши петь,
Не меня будут старцы слушать.

Новый с поля придет поэт,
В новом лес огласится свисте.
По-осеннему сыплет ветер,
По-осеннему шепчут листья.

ПЕСНЬ О ХЛЕБЕ.

Вот она, суровая жестокость,
Где весь смысл — страдания
людей!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Наше поле издавна знакомо
С августовской дрожью по
утру.
Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как жел-
тый труп.

На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп-
овин.
Словно дьякон, на кобылу
гаркнув,
Чтит возница погребальный
чин.

А потом их бережно, без злости,
Головами стелят по земле,
И цепями маленькие кости
Выбивают из худых телес.

Никому и в голову не встанет,
Что солома—это тоже плоть!..
Людоедке—мельнице—зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных
явств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы
класть.

1919.

Все побои ржи в припек окра-
сив,
Грубость жнущих сжав в дух-
мяный сок,
Он вкушающим соломенное
мясо
Отравляет жернова кишок.

И свистят по всей стране, как
осень
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

ХУЛИГАН.

Дождик мокрыми метлами чи-
стит
Ивняковый помет по лугам,
Пахуйся ветер, охапками ли-
ствьев —
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чаши,
Как с тяжелой походкой волеы,
Животами, листвою хрипящими
По коленким марают стволы.

Вот оно мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки
лижут
Следы человечьих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны-кув-
шин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови—степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы мой куст.
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся безумный ветер,
Пахуй спокойно листвою по
лугам.
Не сотрет меня кличка «поэт»
Я и в песнях, как ты, хулиган.

1919.

Все живое особой метой
Отмечается с ранних пор.
Если не был бы я поэтом
То, наверно, был мошенник и
вор.

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
— «Ничего! Я споткнулся о
камень,
Это к завтраму все заживет.—

И теперь вот, когда простыла,
Этих дней кипяtkовая вязь,
Беспокойная дерзкая сила
На поэмы мои пролилась.

Золотая, словесная гряда,
И над каждой строкой без
конца
Отражается прежняя удал
Забияки и сорванца.

Как тогда, я отважный и
гордый,
Только новью мой брызжет
шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего! Я споткнулся о
камень
Это к завтраму все заживет!

1919.

Мир таинственный, мир мой
древний,
Ты, как ветер затих и присел.
Вот сдавили за шею деревню
Каменистые руки шоссе.

Так испуганно в снежную
выбель
Заметалась звенящая жуть.
Здравствуй ты, моя черная
гибель,
Я навстречу к тебе выхожу!

Город, город, ты в схватке
жестокой
Окрестил нас как падаль и
мразь.
Стынет поле в тоске волоокой
Телеграфными столбами да
вась.

Жилист мускул у дьявольской
вьи,
И легка ей чугунная гать.
Ну, да что же? Ведь нам не
впервые
И расшатываться и пропадать.

Пусть для сердца тягуче колка
Это песня звериных трав!..
... Так охотники травят волка
Зажимая в тиски облав.

Зверь припал... и из пасмур-
ных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... и двуногого
недруга
Раздирают на части клыки.

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души немного омертвелой.

Ну, что-ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и
сырость.

1923.

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне
лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый
скелет.

Было время, когда из пред-
местья
Я мечтал по-мальчишески в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком,
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых
штиблет.

И известность моя не хуже, —
От Москвы по парижскую
рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная громкая брань.
1923.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной раз-
лад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

И любовь не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы, как жель.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть — не
беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески —
в дым.

Но мечтать о другом, о новом,
Непонятном, земле и траве,
Что не выразить сердцу сло-
вом
И не знает назвать человек.

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиган-
ством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

1923.

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

1923.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу — там ли, здесь ли,
где-то ль —
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости.

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Вечер черные брови насопил.
Чьи то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость
пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храпи, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без
следа.
Может, завтра больничная
койка
Успокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-дру-
гому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и чере-
мух,
Чем здоровый живет человек.

Больница на Полянке.
1923.

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и бла-
годать.
Может быть, и скоро мне в
дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей
тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облакает в плоть.
Мир осинам, что раскинув
ветви,
Загляделись в розовую водь.

Знаю я, что в той стране не
будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,
Но и ей, любимой, другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Той, кого буду звать дорогой.

Расскажу, как текла былая
Наша жизнь, что былой не
была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

Много дум я в тишине проду-
мал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле угрюмой
Счастливи тем, что я дышал и
жил.

Счастливи тем, что целовал я
женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших
меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там
чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

1924.

ПИСЬМО МАТЕРИ.

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей
избушкой
Тот вечерний несказанный
свет.

Пишут мне, что ты, тая тре-
вогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном, ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж —
Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский
нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я про-
пойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я попрежнему такой же неж-
ный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш
дом.

Я вернусь, когда раскинет
ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет
назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбы-
лось, —
Слишком раннюю утрату и
усталость
Испытать мне в жизни приве-
лось.

И молиться не учи. Не надо!
К старому возврата больше
нет!
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тре-
вогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну, —
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радует легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие
годы, —
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком
теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в при-
тон, —
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

Снова пьют здесь, дерутся и
плачут
Под гармоники желтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают Московскую Русь..

И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не, видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об
ином.

Что-то всеми навеки утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чахнет мерт-
вячиной,
Над пропащею этой гульбой.

Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся
носом
Им про Волгу поет и про
Че-Ка.

И во мне, все по тем же зако-
нам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с пок-
лоном
К тем полям, что когда-то
любил.

В те края, где я рос под кле-
ном,
Где резвился на желтой траве —
Шлю привет воробьям и воро-
нам
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, —
Пусть хоть ветер теперь начи-
нает
Под-микитки дубасить рожь».

Что-то злое во взорах безум-
ных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых
юных,
Что сгубили всю жизнь го-
ряча.

Жалко им, что Октябрь суро-
вый
Обманул их в своей пурге,
И уж удалю точится новой
Крепко спрятанный нож в са-
поге.

Где ж вы, те, что ушли да-
лече?
Ярко ль светят вам наши
лучи?
Гармонист спиртом сифилис
лечит,
Что в киргизских степях полу-
чил.

Нет! Таких не подмять, не
рассеять.
Бесшабашность им гнилью
дана.
Ты, Рассея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона!

Этой грусти теперь не рассы-
пать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда
новым,
Много в сердце теснилось
чувств —
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с
уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Потому никому не рассыпать
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый
свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! Какая смешная потеря!
Много в жизни смешных
потерь.
Стыдно мне, что я в Бога
верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
От чего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы, и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лоша-
денка,
Заглядевшись в неласковый
пруд.

Это все, что зовем мы родиной,
Это все, что мы знаем о ней.
Пьют и плачут в одно с непо-
годиной,
Дождаясь улыбчивых дней.

Дар поэта — ласкать и каря-
бать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черной жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не
сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнезди-
лись —
Значит ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со
мною, —

Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие и благодать,
Положили меня в русской ру-
башке

Под иконами умирать.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в
мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оста-
вит дом.
О всех ушедших грезит коно-
плянник
С широким месяцем над голу-
бым прудом.

Стою один среди равнины
голой,
А журавлей относит ветер
вдаль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне
не жаль.

Синий май. Заревая теплынь.
Не провякнет кольцо у ка-
литки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой на-
кидке.

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие
шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры.

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой на до-
суге...
В этот вечер вся жизнь мне
мила,
Как приятная память о друге.

Не жаль мне лет, растрачен-
ных напрасно,
Не жаль души сиреневую
цветь.
В саду горит костер рябины
красной,
Но никого не может он со-
греть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет все в один ненуж-
ный ком...
Скажите так... что роща золо-
тая
Отговорила милым языком.

Сад полыщет, как пенный
пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дро-
жал
От щемящего слова «милый».

Только я в эту цветь, в эту
гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать,
Все, как есть, без конца при-
нимаю.

Принимаю — приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и
отрада...
Мир тебе, отшумевшая жизнь.
Мир тебе, голубая прохлада.

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгл-
 стом.
Отчего прослыла я шарлатаном?
Отчего прослыла я скандали-
 стом.

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по
 темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным
 лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку,
В переулках каждая собака
Знает мою твердую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хоро-
 ший,
Каждый стих мой душу зверя
 лечит.

Я хожу в цилиндре не для
 женщин —
В глупой страсти сердце жить
 не в силе —
В нем удобней, грусть свою
 уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобеляю на шею
Я готов отдать мой лучший
 галстук.

И теперь я уж болеть не
 стану,
Прояснилась омутъ в сердце
 мглистом.
Оттого прослыла я шарлатаном,
Оттого прослыла я скандалистом.

1922.

Да! Теперь решено. Без воз-
 врата
Я покинул родные поля.
Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.
Низкий дом без меня ссуту-
 лится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых ули-
 цах
Умереть, знать, судил мне Бог.
Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях,
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... чорт знает
 как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.
Шум и гам в этом логове
 жутком,
Но всю ночь напролет, до
 зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.
Сердце бьется все чаще и чаще,
И уж я говорю невпопад:
«Я такой же, как вы, пропащий,
Мне теперь не уйти назад».

Низкий дом без меня ссуту-
 лится,
Старый пес мой давно издох.
На московских изогнутых ули-
 цах
Умереть, знать, судил мне Бог.

1922.

Сыпь, гармоника. Скука...
Скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так сини-
ми брызгами?
Иль в морду хошь?

В огород бы тебя на тучело
Пугать ворон.
До печонок меня замучила
Со всех сторон.

К вашей своре собачьей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости... прости...

Пой же, пой! На проклятой
гитаре
Пальцы пляшут твои в полу-
круг.
Захлебнуться бы в этом угаре,
Мой последний, единственный
друг.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине
счастья,
А нечаянно гибель нашел.

Я не знал, что любовь — зараза,
Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным гла-
зом
Хулигана свела с ума.

Сыпь, гармоника, сыпь, моя
частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сися-
стую, —
Она глупей.

Я среди женщин тебя не пер-
вую...
Не мало вас,
Но с такой вот, как ты, со
стервою,
Лишь в первый раз.

Чем больше, тем звонче,
То здесь, то там.
Я с собой не покончу,
Иди к чертям.

Пой, мой друг! Навевай мне
снова
Нашу прежнюю, буйную рань.
Пусть целует она другого,
Молодая, красивая дрянь.

Ах, постой! Я ее не ругаю.
Ах, постой. Я ее не кляню.
Дай тебе про себя я сыграю
Под басовую эту струну.

Льется дней моих розовый
купола.
В сердце снов золотых сума.
Много девушек я перещупал,
Много женщин в углах при-
жимал.

СУКИН СЫН.

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче со-
бака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами
клен,
Но припомнил я девушку в
белом,
Для которой был пес поч-
тальон.

Не у всякого есть свой близ-
кий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незна-
ком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным по-
этом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отли-
вом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе
телом
И, как друга. введу к себе
в дом...
Да, мне нравилась девушка в
белом,
Но теперь я люблю в голубом.

Клен ты мой опавший, клен
заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под
метелью белой?

Или что увидел? Или что
услышал?
Словно за деревню погулять ты
вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя
на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил
ногу.

И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал бе-
резку.

Ах, и сам я нынче что-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской
попойки.

Там вон встретил вербу, там
сосну приметил,
Распевал им песни под метель
о лете.

Сам себе казался я таким же
кленом,
Только не опавшим, а во-всю
зеленым.

Какая ночь! Я не могу,
Не спится мне. Такая лун-
ность.
Еще, как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Но все ж лаской и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

Любить лишь можно только
раз,
Вот отчего ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас
В сугробы, ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный,
синий,
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь не дорожую.

Ну, а этой за движение стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не
очень,
Все равно калитка есть в
саду...
Незадаром мне мигнули очи.
Приоткинув черную чадру.

1924.

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по
рублю:
Как сказать мне для прекрас-
ной Лаалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских
струй,
Как назвать мне для прекрас-
ной Лаалы
Слово ласковое «поцелуй».

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже
притая,
Как сказать мне для прекрас-
ной Лаалы,
Как сказать ей, что она «моя»?
1924.

И ответил мне меняла кратко!
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь
украдкой,
Да глаза как яхонты горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах,
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь мо-
гут руки,
Что срывали черную чадру.

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты Бога ради:
Обучусь когда-нибудь.

Ты сказала: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

19 декабря, 1924.

Я б порезал розы эти, —
Ведь одна отрада мне, —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской тра-
вою.
Ты же, путник мертвым не
внемли,
Не склоняйся к плитам голо-
вою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет,
тянет.
Помиришь лишь в сердце со
врагом —
И тебя блаженством оштра-
нит.

Жить — так жить, любить —
так уж влюбляться.
В лунном золоте целуйся и
гуляй,
Если ж хочешь мертвым по-
клоняться,
То живых тем сном не отрав-
ляй.

Это пела даже Шахразада, —
Так вторично скажет листьев
медь.
Тех, которым ничего не надо
Только можно в мире пожалеть.

1924.

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивал пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь?
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я от-
переть,
Ни к чему в любви моей от-
вага.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанусь?
Из любви к родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до сви-
данья.
Пусть не смог я двери отпе-
реть,
Ты дала красивое страданье
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до сви-
данья.

Шаганэ, ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ, ты моя Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто
раз,
Как бы ни был красив
Шираз,
Он не лучше рязанских раз-
долий,
Потому, что я с севера, что ли.

Шаганэ, ты моя, Шаганэ!
Там на севере девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ, ты моя, Шаганэ.

1924.

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхаемою голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым
станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько не проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени — Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

1924.

Я готов рассказать тебе поле.
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся,
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищущу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не
клянусь.
Расскажи, мне что-нибудь
такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальян-
янки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не ску-
чал.

И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем,
Все равно — глаза твои, как
море,
Голубым колышутся огнем.

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышет глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотом,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотом.

Август, 1925.

«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной рус-
ской
Под шуршащим пологом ту-
мана», —

Так спросил я, дорогая Лаала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не ска-
зала,
К небу гордо головы завысив.

«Отчего луна так светит груст-
но?» —
У цветов спросил я в тихой
чаще,
И цветы сказали: «Ты почув-
ствуй
По печали розы шелестящей».

Август, 1925.

Я не знаю, как мне жизнь про-
жить —
Догореть ли в ласках милой
Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что — для
глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит он вовек не из
Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудосней,
ней,
Да сгубила пара лебедей.

Лепестками роза расплеска-
лась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласка-
лась,
Шаганэ другого целовала».

Говорила: «Русский не заме-
тит...
Сердце — песнь, а песне — жизнь
и тело».
Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось из-
мсны,
Слез и мук, кто ждал их, кто
не хочет.
Но и все ж вовек благосло-
венны
На земле сиреневые ночи.

Быть поэтом — это значит то
же,
Если правды жизни не нару-
шить,
Рубцевать себя по нежной
коже,
Кровью чувств ласкать чужие
души.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как
лягушка.

Быть поэтом — значит петь
раздолье,
Чтобы было для тебя известней.
Соловей поет — ему не больно,
У него одна и та же песня.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на
питы.

И когда поэт идет к любимой.
А любимая с другим лежит на
ложе,
Влагою живительной храни-
мый,
Он ей в сердце не запустит
ножик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до
дома:
«Ну, и что ж, помру себе бро-
дягой,
На земле и это нам знакомо».

Август, 1925.

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью про-
стыв,
Позабить о ласковом уресе
И глазах, задумчиво протых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы как светильники горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша, ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
Ароматы, что хмельны, как
брага.
И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья
час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой
угрюмый
Оставляю песенку про Русь!
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март. 1925.

ПУШКИНУ.

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О, Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня, хулиган.

Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе —
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Низкий дом с голубыми став-
нями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недав-
ними
Отзвучавшие в сумрак года.

И сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким сит-
цем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в
глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской
души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие
дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не выдали.

Только видели березь да цветь,
Да раkitник, кривой и безли-
стый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться.
И под этим дешевеньким сит-
цем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недав-
ними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми став-
нями,
Не забыть мне тебя никогда.

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не воьлет мне в грудь мою
тепльнь.

Знать, у всех у нас такая
часть,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны, таинственный и
длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журав-
линый
Не разлюбит отчие поля.

Июль, 1925.

И теперь, когда вот новым
светом
И моей коснулась жизнь
судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изго-
ловью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет
новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той тесни-
мый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий стран-
ник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник.

Пусть неродные луга
Обо мне поют крапивой, —
Брызжет полночь дуга,
Колокольчик говорливый.

Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погинуть.

Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.

Ведь не даром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.

Ворочусь я в отчий дом —
Жил и не жил бедный стран-
ник...

В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

Эх, вы, сани! А кони, кони!
Видно, чорт их на землю при-
нес.
В захватском степном раз-
гоне
Колокольчик хохочет до слез.

Ни луны, ни собачьего лая
Вдалеке, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навеки постарел.

Пой, ямщик, вопрекор этой
ночи, —
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.

Но и все же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

1925.

Ночь и поле, и крик петухов...
С золотой тучки глядит
Саваоф,
Хлесткий ветер в равнинную
синь

Катит яблоки с тощих осин.
Вот она, невеселая рябь
С журавлиной тоской
сентября,

Смолокшим колоколом над
прудом
Опрокинулся отчий дом.
Здесь все также, как было
тогда,

1918.

Эх, бывало, заломил шапку,
Да заложил в оглобли коня,
Да приляжешь на сена
охапку, —
Вспоминай лишь, как звали
меня!

И откуда бралась осанка!
А в полуденную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.

Все прошло. Порубил мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Те же реки и те же стада,
Только ивы над красным
бугром
Обветшалым трясут подолом.
Кто-то сгиб, кто-то канул во
тьму

Уж кому-то не петь на холму.
Мирно грезит родимый очаг
О погибших во мраке плечах.
Тихо, тихо в Божничном углу

Месяц месит кутью на полу,
Но тревожит лишь поминам
тишь
Из-за печья пугливая мышь.

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Как прежде, ходя на пригорок,
Костыль свой сжимая в руке,
Ты смотришь на лунный опорок,
Плывущий по сонной реке.

И думаешь горько, я знаю,
С тревогой и грустью большой,
Что сын твой по отчему краю
Совсем не болеет душой.

Ведь радость бывает редко.
Как вешняя звенья поутру,
И мне — чем гнить на ветках —
Уж лучше сгореть на ветру.

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядишься спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Потом ты идешь до погоста
И, в камень уставясь в упор,
Вздыхаешь так нежно и просто
За братьев моих и сестер.

Пускай мы росли ножевые,
А сестры росли, как май,
Ты все же глаза живые
Печально не подымай.

Довольно скорбеть! Довольно!
И время тебе подсмотреть,
Что яблоне тоже больно
Терять своих листьев медь.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядаящая сила!
Умирать — так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих
дремах,
Не стыдась и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной круж-
кой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

1925.

Листья падают, листья падают.
Стонет ветер,
Протяжен и глух.
Кто же сердце порадует?
Кто его успокоит, мой друг?

С отягченными веками
Я смотрю и смотрю на луну.
Вот опять пегухи кукарекнули
В обособенную тишину.

Предрасветное. Синее. Раннее.
И летающих звезд благодать.
Загадать бы какое желание,
Да не знаю, чего пожелать.

Август, 1925.

Гори, звезда моя, не падай,
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Твоей рыдалистою дрожью
Неотлетевших журавлей.

И голову вздымая выше,
Не то за рощей — за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

Что желать под житейскою
ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.

Чтоб с глазами она василько-
выми
Только мне —
Не кому-нибудь —
И словами и чувствами новыми
Успокоила сердце и грудь.

Чтоб под этою белою лунно-
стью,
Принимая счастливый удел,
Я над песней не таял, не млея
И с чужою веселою юностью
О своей никогда не жалел.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листовою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется также мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальный грусти
внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,
Как любит пьяница кабак.

Август, 1925.

Жизнь — обман, с чарующей
тоскою,

Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потре-
вожь,

Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.»

«Обратись лицом к седому
небу,

По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не
требуй

Правды той, что не нужна
тебе».

Но и все ж, теснимый и гони-
мый,

Я смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и лю-
бимой,

Эту жизнь за все благодарю.

Август, 1925 г.

Сыпь, тальянка, звонко, сыпь,
тальянка, смело!

Вспомнить, что ли, юность ту,
что пролетела?

Не шуми, осина, не пыли,
дорога.

Пусть несется песня к милой
до порога.

Пусть она услышит, пусть она
поплачет.

Ей чужая юность ничего не
значит.

Ну, а если значит — проживет
не мучась.

Где ты, моя радость? Где ты,
моя участь?

Лейся, песня, пуще, лейся, пес-
ня, звяньше.

Все равно не будет то, что бы-
ло раньше.

За былую силу, гордость и
осанку

Только и осталась песня под
тальянку.

Сентябрь, 1925.

Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся.
Хорошо с любимой в поле за-
теряться.

Ветерок веселый робок и за-
стенчив,
По равнине голой катится бу-
бенчик.

Эх, вы, сани, сани! Конь ты
мой буланый!
Где-то на поляне клен танцует
пьяный.

Мы к нему подъедем, спросим
— что такое?
И станцуем вместе под тальян-
ку трое.

Снежная замять крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.
Мчится на тройке чужая мла-
дость.
Где мое счастье? Где моя ра-
дость?
Все укатилось под вихрем бой-
ким
Вот на такой же бешеной
тройке.

Октябрь, 1925.

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не
сказал.
Милая спросила: «Крутит ли
метель?»
Затопить бы печку, постелить
постель».

Я ответил милой: «Нынче с
высоты
Кто-то осыпает белые цветы.
Затопи ты печку, постели
постель,
У меня на сердце без тебя
метель».

Октябрь, 1925.

Вечером синим, вечером лун-
ным
Был я когда-то красивым и
юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече...
мимо...
Сердце остыло и выцвело
очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

Октябрь, 1925.

Синий туман. Снеговое раз-
долье,
Гонкий лимонный лунный
свет.
Сердцу приятно с тихой болью
Что-нибудь вспомнить из ран-
них лет.

Снег у крыльца, как песок зы-
бучий.
Вот при такой же луне без
слов,
Шапку из кошки на лоб на-
хлобучив,
Тайно покинул я отчий кров.

Снова вернулся я в край роди-
мый.
Кто меня помнит? Кто поза-
был?
Грустно стою я, как странник
гонимый —
Старый хозяин своей избы.

Молча я комкаю новую шапку,
Не по душе мне соболий мех.
Вспомнил я дедушку, вспомнил
я бабу,
Вспомнил кладбищенский рых-
лый снег.

Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей ни
радей, —
Вот почему так тянусь я к
людям,
Вот почему так люблю людей.

Вот отчего я чуть-чуть не за-
плакал
И, улыбаясь, душой погас, —
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний
раз.

Октябрь, 1925.

Свищет ветер, серебряный
ветер,
В шелковом шелесте снежного
шума.
В первый раз я в себе заме-
тил —
Так я еще никогда не думал.

Пусть на окошках гнилая
сырость,
Я не жалею и я не печален.
Мне все равно эта жизнь по-
любилась.
Так полюбилась, как будто
вначале.

Взглянет ли женщина с тихой
улыбкой —
Я уж взволнован. Какие плечи!
Тройка проскачет дорогой зыб-
кой —
Я уже в ней и скачу далече.

О, мое счастье и все удачи,
Счастье людское землей
любимо,
Тот, кто хоть раз на земле за-
плачет,
Значит удача промчалась мимо.

Жить нужно легче, жить нуж-
но проще,
Все принимая, что есть на
свете.
Вот почему, обалдев над рощей
Свищет ветер, серебряный
ветер.

1925.

Годы молодые с забубенной
славой,
Отравил я сам вас горькою
отравой.

Я не знаю: мой конец близок
ли, далек ли —
Были синие глаза, да теперь
поблекли.

Где ты, радость? Темь и жуть,
грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ни-
чего не видно.

Руки вытяну — и вот слушаю
наощупь:
Едем... кони... кони... снег... про-
езжаем рошу.

«Эй, ямщик, неси во-всю! Чай,
рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по
таким ухабам».

А ямщик в ответ одно: «По
такой метели
Очень страшно, чтоб в пути
лошади вспотели».—

«Ты, ямщик, я вижу, трус. Это
не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по
лошажьим спинам.

Бью, а кони, как метель, снег
разносят в хлопья.
Вдруг толчек... и из саней
прямо на сугроб я.

Встал и вижу: что за чорт —
вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на боль-
ничной койке.

И заместо лошадей, по дороге
тряской,
Бью я жесткую кровать мокрую
повязкой.

На лице часов в усы закрути-
лись стрелки.
Наклонились надо мной сон-
ные сиделки.

Наклонились и хрипят: «Эх, ты
златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою
отравой.

Мы не знаем, твой конец бли-
зок ли, далек ли —
Синие глаза твои в кабаках
промокли».

**Стихотворения, даты которых
не выяснены**

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся
мак.

Громко звенит за селом коро-
год,
Там она, там она песни поет.

Помню, как крикнула, шигая в
сруб:
«Что же, красив ты, да сердцу
не люб:

Кольца кудрей твоих ветрами
жжет,
Гребень мой вострый другой
бережет».

Знаю, чем чуждей и чем ей не
мил:
Меньше плясал я и меньше
всех пил.

Кротко я с грустью стоял у
стены:
Все они пели и были пьяны.

Счастье его, что в нем меньше
стыда,
В шею ей лезла его борода.

Свившись с ним в жгучее
пляски кольцо,
Брызнула смехом она мне в
лицо.

Белая свитка и алый кушак,
Рву я по грядкам зардевшийся
мак.

Маком влюбленное сердце
цветет...
Эх, да не мне она песни поет.

ТЕПЛЫЙ ВЕЧЕР.

Теплый вечер грызет воровато
Луговые поемы и пни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

Чистит месяц в соломенной
крыше
Обойменные синюю рога.
Не пошел я за ней и не вышел
Провожать за глухие стога.

Не беда, что и я видел зыбку:
Эта скорбь ее сердца не жжет;
Только девичью честь и улыбку
Для другого она бережет.

Не силен тот, кто радости про-
сит:
Только гордые в силе живут;
А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырью хомут.

Не с тоски я судьбы поджи-
даю;
Будет злобно крутить пороша.
И придет она к нашему краю
Обогреть своего малыша.

Снимет шубу и шали развя-
жет.
Примостится со мной у огня...
И спокойно и ласково скажет,
Что ребенок похож на меня.

ПОРОША.

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна.
Словно белою косынкой
Подвязалась сосна.

Помагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самой макушкой
Дообит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

ЯМЩИК.

За ухабины степные
Мчусь я лентой пустырей.
Эй, вы, соколы родные,
Выносите поскорей!

Низкорослая слободка
В повечерешнем дыму.
Заждалась меня красotka
В чародейном терему.

Светит в темень позолотой,
Размалевана дуга.
Ой, вы, санки-самолеты,
Пуховитые снега!

Звоны резки, звоны гулки,
Бубенцам в шлее—не счет.
А как гаркну на прогулке,
Выбегает весь народ.

Выйдут парни, выйдут девки
Славить зимни вечера,
Голосатые запевки
Не смолкают до утра.

ВЕЧЕР.

На лазоревые ткани
Пролил пальцы багрянец.
В темной роще, по поляне,
Плачет смехом бубенец.

Затуманились лощины,
Серебром покрылся мох.
Через прясла и овины
Кажет месяц белый рог.

По дороге лихо, бойко,
Развевая пенный пот,
Скачет бешеная тройка
На поселок в хоровод.

Смотрят девушки лукаво
На красавца сквозь плетень.
Парень бравый, кучерявый,
Ломит шапку на бекрень.

Ярче розовой рубахи
Зори вешние горят.
Позолоченные бляхи
С бубенцами говорят.

МОЛИТВА МАТЕРИ. --

На краю деревни
Старая избушка,
Там перед иконой
Молится старушка.

Молится старушка,
Сына поминает, —
Сын в краю далеком
Родину спасает.

Молится старушка,
Утирает слезы,
А в глазах усталых
Расцветают грезы.

Видит она поле, —
Это поле боя,
Сына видит в поле —
Павшего героя.

На груди широкой
Запеклася рана,
Сжали руки знамя
Вражеского стана.

И от счастья с горем
Вся она застыла,
Голову седую
На руки склонила.

И закрыли брови
Редкие сединки,
А из глаз, как бисер,
Сыплются слезинки.

«УЗОРЫ».

Девушка в светлице вышивает
ткани,
На канве в узорах — копья и
кресты.
Девушка рисует мертвых на
поляне,
На груди у мертвых — крас-
ные цветы.

Нежный шелк выводит храбро-
го героя,
Тот герой отважный — принц
ее души.
Он лежит, сраженный в жар-
кой схватке боя,
И в узорах крови смяты ка-
мышы.

Кончены рисунки. Лампа до-
горает.
Девушка склонилась. Помутил-
ся взор.
Девушка тоскует. Девушка ры-
дает.
За окошком полночь чертит
свой узор.

Траурные косы тучи разме-
тали,
В пряди тонких локонов впута-
лась луна.
В трепетном мерцаньи, в белом
покрывале
Девушка, как призрак, плачет
у окна.

Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер над куканом
Расстелил кудрявый бредень.

Под окном от скользящих ветел
Перепелки звоны ветра.
Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.

Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.

Чей-то мягкий лих за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.

В зеленой церкви за горой,
Где вербы четки уронили,
Я поминаю просфорой
Младой весны младые были.

А ты, склонившаяся ниц,
Передо мной стоишь незримо,
Шелка опущенных ресниц
Колышут крылья херувима.

Не омрачен твой белый рок
Твоей застывшею порою.
Все тот же розовый платок
Застегнут смуглою рукою.

Все тот же вздох упруго жмет
Твои надломленные плечи
О том, кто за морем живет
И кто от родины далече.

И все тягуче память дня
Перед пристойным ликом
жизни.

О, помолись и за меня,
За бесприютного в отчизне.

ПАСХАЛЬНЫЙ БЛАГОВЕСТ.

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понесли удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Бледная луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

РУСЬ.

Занесли зеленою пташкой
Манихидные вести к нам.
Родина, черная монашка,
Читает псалмы по сынам.

Красные нити часослова
Кровью окропили слова.
Я знаю — ты умереть готова,
Но смерть твоя будет жива.

В церквушке за тихой обедней
Выну за тебя просфору,
Помолюся за вздох последний
И слезу со щеки утру.

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с пово-
локой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распро-
стертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись
мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же лови, я не
струшу.
Только как бы твой пыл не
погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только
тень, —
Мне в лице твоём снится
другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит
кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пой-
дешь,
Ну, а ты даже в сердце не
вранишь
Напоенную ласкою ложь.

Но и все же тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

ДЕВИЧНИК.

Я надену красное монисто,
Сарафан заплету синей
рюшкой.
Позовите, девки, гармониста,
Прощайтесь с ласковой
подружкой.

Мой жених угрюмый и
ревнивый,
Не велит заглядывать на
парней.
Буду петь я такой сиротливой,
Вы-ж пляшите дробней и
угарней.

Как печальны девичьи потери
Грустно жить оплаканной
невесте,
Уведет меня жених за двери,
Будет спрашивать девической
чести.

Ах, подружки, стыдно и не-
ловко:
Сердце робкое охватывает
стужа,
Тяжело беседовать с золовкой,
Лучше жить несчастной, да
без мужа.

Может, поздно, может, слишком
рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветренный поэт.

Что случилось, что со мною
сталось?
Каждый день я у других
колен.
Каждый день к себе теряю
жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце
меньше
Билось в чувствах нежных и
простых,
Что ж ищу в очах я этих
женщин —
Легкодумных, лживых и
пустых?

Так случилось, так со мною
сталось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыба-
лось,
Не смиряясь с горечью измен.

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь
туман, —
За свободу в чувствах есть
расплата,
Принимай же, вызов, Дон-
Жуан.

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить сирень за синий цветень
мая,
Звать любовью чувственную
дрожь.

Я иду долиной. На затылке
кепи.
В лайковой перчатке смуглая
рука.
Далеко смят розовые степи,
Хорошо синее тихая река.

Я — беспечный парень. Ниче-
го не надо.
Только б слушать песни —
сердцем подпевать,
Только бы струилась легкая
прохлада,
Только б не сгибалась молодая
стать.

Выйду на дорогу, выйду под
откосы, —
Сколько там нарядных мужи-
ков и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты
иль не слаб?»

На земле милее. Полно плавать
в небо.
Как ты любишь долы, так бы
труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль
крестьянским не был?
Размахнись косою, покажи
свой пыл.

Ах, перо не грабли, ах, коса не
ручка —
Но косой выводят строчки
хоть куда,
Под весенним солнцем, под
весенней тучкой
Их читают люди всякие года.

К чорту я снимаю свой костюм
английский.
Что же, дайте косу, я вам
покажу, —
Я ли вам не свойский, я ли
вам не близкий,
Памятью деревни я ль ге
дорожу?

Море голосов воробьиных.
Ночь, а как будто ясно,
Так ведь всегда прекрасно.
Ночь, а как будто ясно,
И на устах невинных
Море голосов воробьиных.

А с луны такое
Светит — хоть кинься в воду.
Я не хочу покоя
В синюю эту погоду.
Светит — хоть кинься в воду.
Ах, у луны такое

Заждаалася сына дряхлая вдо-
вица,
День и ночь горяя, сидя под
божницей.
Вот прошло — проплыло уж
второе лето,
Онова снег на поле, а его все
нету.

Села и прижалась, смотрит
кротко, кротко...
— На кого ж похож ты, свет-
логлазый отрок...
— А! — сверкнули слезы над
увящим усом, —
Это ты, о сын мой, смотришь
Иисусом!

Нипочем мне ямы, нипочем
мне кочки,
Хорошо косую в утренний
туман
Выводить по долам травяные
строчки,
Чтобы их читали лошадь и
баран.

В этих строчках песня, в этих
строчках слово;
Потому и рад я в думах ни о
ком,
Что читать их может каждая
корова,
Отдавая плату теплым молоком.

Милая, ты ли? Та ли?
Эти уста не устали.
Эти уста, как в струях,
Жизнь утолят в поцелуях.
Милая, ты ли? Та ли?
Розы ль мне то нашептали?

Сам я не знаю, то будет.
Близко, а, может, где-то
Плачет веселая флейта.
В тихом весеннем гуде
Чту я за лилии груди.
Плачет веселая флейта,
Сам я не знаю, что будет.

Подошла, взглянула в мутное
окошко...
— Не одна ты в поле катишь-
ся, дорожка!
Свищет сокол — ветер, бредит
тихим Доном.
— Хорошо-б прижаться к золо-
тым иконам...

Грубым дается радость,
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.

Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.

Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна.
В сердце — тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.

А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.
Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылки рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

Я ПОМНЮ.

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Нерадостно и нелегко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней.
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
— Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда.

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть,
С другой вспоминает тебя.

ПРОЩАНИЕ С МАРИЕНГОФОМ.

Есть в дружбе счастье ого-
телое

И судорога буйных чувств, —
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.

Возлюбленный мой! Дай мне
руки —

Я по-иному не привык, —
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы.

Ах, Толя, Толя, ты-ли, ты-ли,
В который миг, в который
раз —
Опять, как молоко, застыли
Круги недвижущихся глаз.

Прощай, прощай! В пожарах
лунных

Дождусь ли радостного дня? —
Среди прославленных и юных
Ты был всех лучше для меня.

В такой то срок, в таком то
годе

Мы встретимся, быть может,
вновь...

Мне страшно, — ведь душа
проходит,
Как молодость и как любовь.

Другой в тебе меня заглушит,
Не потому ли — в лад речам
Мои рыдающие уши
Как весла, плещут по плечам?

Прощай, прощай! В пожарах
лунных

Не зреть мне радостного дня,
Но все ж среди трепетных и
юных

Ты был всех лучше для меня.

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин, —
Все что видела я в резвую
юность,

Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...

Ни за что не хотел я теперь
бы,

Чтоб мне слушать ее приве-
лось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за юность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной страны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со
мнсю...

Может, в новую жизнь не
гожусь,

Но и все же хочу стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и
гроз,

Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных
колес.

Плачет метель, как цыганская скрипка,
Милая девушка, злая улыбка,
Я ль не робею от синего взгляда?
Много мне нужно и много не надо.

Так мы далеки и так не схожи, —
Ты молодая, а я все прожил.
Юношам счастье, а мне лишь память
Снежною ночью в лихую замять.

Я не заласкан — буря мне скрипка,
Сердце метелит твоя улыбка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Творчество Сергея Есенина</i>	
Вступительная статья	7
<i>Стихотворения 1910-25 г.г.</i>	
Там, где капустаные грядки	20
Темна ноченька, не спится	20
Хороша была Танюша	20
Зайгавай, сыграй, тальяночка	21
Подражание песни	21
Выткался на озере алый свет зари	21
Дымом половодье заливало ил	22
Сыплет черемуха снегом	22
На петлях висят баранки	22
Задымился вечер	23
Край любимый	23
Пойду в скуфье смиренным иноком	23
Сохнет стаявшая глина	24
Чую радуницу Божью	24
По дороге идут богомолки	24
Шел Господь пытать людей в любви	25
Осень	25
Не ветры осыпают пуши	25
Гой ты, Русь моя родная	26
Я — пастух; мои палаты	26
Сторона ль моя,	26
Край ты мой заброшенный	27
Заглушила засуха засевки	27
Троицно утро, утренний канон	28
Зашумели над затоном тростники	28
Туча кружево в роще связала	28
В хате	29
По селу тропинкой кривенькой	29
Черная, потом пропахшая выть	30
Топи да болота	30
За темной прядью перелесиц	30
Я снова здесь в семье родной	31
В том краю, где желтая крапива	31
Не напрасно дули ветры	32
Корова	32
Под красным вязом крыльцо и двою	32

Покраснела рябина	33
- Твой глас незримый	33
В лунном кружеве украдкой	33
За горами, за желтыми долами	34
Опять раскинулся узорно	34
Табун	35
О товарищах веселых	35
Там,, где вечно дремлет тайна	36
Тучи с ожереба	36
Весна на радость не похожа	37
Алый мрак в небесной черни	37
Прощай родная пуща	37
Лисица	38
О, Русь, взмахни крылами	38
Душа грустит о небесах	39
Устал я жить в родном краю	39
О, Боже, Боже, эта глубь	39
Гляну в поле, гляну в небо	40
Где ты, где ты, отчий дом	40
Разбуди меня завтра рано	40
Запели тесаные дроги	41
О, край дождей и непогоды	41
Колокольчик среброзвонный	41
О, Матерь Божья	42
О пашни, пашни	42
Нивы сжаты, рощи голы	42
Зеленая прическа	43
Я по первому снегу бреду	43
Серебристая дорога	43
Отвори мне, страж заоблачный	44
О, верю, верю	44
Песни, песни о чем вы кричите	44
О, муза, друг мой гибкий	45
Я последний поэт деревни	45
Вот оно, глупое счастье	46
Проплясал, проплакал дождь весенний	46
Я покинул родимый дом	47
Хорошо под осеннюю свежесть	47
Закружилась листва золотая	47
Песнь о собаке	48

По осеннему кычет сова	48
Песнь о хлебе	48
Хулиган	49
Все живое особой метой	50
Мир таинственный, мир мой древний	50
Сторона-ль ты моя, сторона	51
Не ругайтесь. Такое дело	52
Не жалею, не зову, не плачу	52
Мне грустно на тебя смотреть	53
Ты прохладой меня не мучай	53
Пускай ты выпита другим	54
Дорогая, сядем рядом	54
Вечер черные брови насупил	55
Мы теперь уходим понемногу	55
Письмо матери	56
Я усталым таким еще не был	56
Снова пьют здесь	57
Этой грусти теперь не рассыпать	58
Мне осталась одна забава	58
Отговорила роща золотая	59
Синий май. Заревая теплынь	59
Я обманывать себя не стану	60
Да! Теперь решено. Без возврата	60
Сыпь гармоника. Скука	61
Пой же, пой! На проклятой гитаре	61
Эта улица мне знакома	62
Заметался пожар голубой	63
Ты такая ж простая, как все	63
О красном вечере задумалась дорога	64
Не бродить, не мять в кустах багряных	64
Сукин сын	65
Клен ты мой опавший	66
Какая ночь! Я не могу	66
Снежная заметь дробится и колется	67

Персидские мотивы

Улеглась моя былая раба	67
Я спросил сегодня у менялы	68
Ты сказала, что Саади	68

Золото холодное луны	69
Оглянись, как хорошо кругом	69
В Хороссане есть такие двери	69
Шаганэ, ты моя, Шаганэ	70
Никогда я не был на Босфоре	70
Свет шафранный вечернего края	71
Воздух прозрачный и синий	71
Руки милой — пара лебедей	72
«Отчего луна так светит тускло	72
Глупое сердце не бейся	73
Голубая да веселая страна	73
Быть поэтом — это значит то же	74
Магомет перехитрил в Коране	74
Голубая родина	74

☆ ☆

☆

Пушкину	75
Низкий дом с голубыми ставнями	75
Собаке Качалова	76
Несказанное, синее, нежное	76
Песня	77
Спит ковыль. Равнина дорогая	78
Не вернусь я в отчий дом	78
Вижу сон. Дорога черная	79
Прощай, Баку! Тебя я не увижу	79
Каждый труд благослови, удача	80
Видно, так заведено навеки	80
Эх вы сани! А кони, кони	81
Ночь и поле, и крик петухов	81
Заря окликает другую	82
Ну, целуй меня, целуй	82
Листья падают, листья падают	83
Гори, звезда моя, не падай	83
Жизнь — обман с чарующей тоскою	84
Сыпь, тальянка, звонко	84
Ты запой мне ту песню	85
В этом мире я только прохожий	85
Слышишь — мчатся сани	86
Снежная замать крутит бойко	86
Голубая кофта. Синие глаза	86

Вечером синим, вечером лунным . . .	86
Синий туман. Снеговое раздолье. . .	87
Свищет ветер, серебрянный ветер . . .	87
Годы молодые с забубенной славой	88
Я красивых таких не видел	89
Ах, как много на свете кошек	89
Мелколесье. Степь и дали	90
Цветы мне говорят — прощай	90

Стихотворения, даты которых не выяснены

Белая свитка и алый кушак	92
Теплый вечер.	92
Пороша	93
Ямщик	93
Вечер	93
Молитва матери	94
«Узоры»	94
Даль подернулась туманом	95
Пасхальный благовест	95
Русь	95
Не гляди на меня с упреком	96
Девичник	96
Черемуха	97
Небо ль такое белое	97
Ветры, ветры, о, снежные ветры	97
Может, поздно, может, слишком рано	98
Я иду долиной. На затылке кепи	98
Море голосов воробьиных	99
Заждалася сына дряхлая вдовица	99
Грубым дается радость	100
Я помню	100
Ты меня не любишь, не жалеешь	101
Прощание с Мариенгофом	102
Неуютная жидкая лунность	102
Плачет метель, как цыганская скрипка	103
Опечатки	111

ОПЕЧАТКИ

<i>Напечатано</i>	<i>Следует</i>	<i>стр.</i>
Першеневич	Шершеневич	14
маленькой	маленький	20
явств	яств	49
коленким	коленкам	49
сгребет все	сгребет их все	59
я бы	я б	63
чудесней, ней,	чудесней	72
песнь	песня	73
из-за печья	из запечья	81
Светит-хоть кинься в воду.	Ах, у луны такое Светит-хоть кинься в воду.	99
Ах, у луны такое		
Ты меня любишь	Ты меня не любишь	101